

[Polaris]

Николай
ОСИПОВ

НЕСБЫТОЧНЫЕ ПУТЕШЕСТВИЯ В НЕБЫВАЛЫЕ СТРАНЫ СВЕТА

Затерянные миры

Том XXV

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

CCCLXV

Salamandra P.V.V.

**Николай
ОСИПОВ**

**НЕСБЫТОЧНЫЕ
ПУТЕШЕСТВИЯ
В НЕБЫВАЛЫЕ
СТРАНЫ СВЕТА**

Затерянные миры
Том XXV

Salamandra P.V.V.

Осипов Н. П.

Несбыточные путешествия в небывалые страны света (Затерянные миры, т. XXV). — Б. м.: Salamandra P.V.V., 2020. — 57 с. — (Polaris: Путешествия, приключения, фантастика. Вып. CCCXLV).

У истоков русской фантастической литературы: чудовища и летающие континенты, космические баталии и сражения в рыбьем брюхе, республика животных и шабаш ведьм на колдовском острове — в повести Н. Осипова «Несбыточные путешествия в небывалые страны света». Повесть была опубликована в 1799 г. и переиздается впервые.

НЕСБЫТОЧНЫЯ
ПУТЕШЕСТВІЯ

ВЪ НЕБЫВАЛЫЯ СТРАНЫ

С В Ъ Т А.

Сочиненіе и переводъ

Николая Осипова.

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ

1799 года.

Съ дозволенія С. П. Б. Цензуры

**НЕСБЫТОЧНЫЕ
ПУТЕШЕСТВИЯ
В НЕБЫВАЛЫЕ
СТРАНЫ СВЕТА**

Чада Марсовы занимаются войною; но когда-нибудь избирают себе время и для покоя. Работающие умом и мыслями должны также иметь себе время для отдохновения, дабы потом тем лучше собраться с силами оказывать Музам свои услуги. Для сочинителя нет ничего лучше, как украсить нравоучение какими-нибудь приманчивыми цветочками. Самое сие положил я за правило и себе при сем сочинении, в котором обнаружу старые заплесневелые критики древних Стихотворцев; причем не пощажу также и Философов, которые продают нам часто небывальщину за настоящую правду. Ктезий в своей Индейской истории говорит о таких вещах, которых никогда и не видел и не слышал. Ямбул написал огромное повествование о восточных странах; но читая его, можно подумать, что нет на свете никакой правды. Многие Сочинители писали случившиеся с ними в их путешествиях приключения; описывали чудесных зверей, ужасные свирепства и варварские нравы и обычаи виденных ими народов. Гомер заставляет Улисса рассказывать о заключении ветров, о невероятной величине Циклопов, о лютости Антропофагов, о превращении своих спутников и о многих подобных тому нелепостях; чему, однако ж, Феникийский народ верил, как самой настоящей истине. Нимало не удивительно то, когда рассказывает басни Стихотворец. Почти всякий день болтают пустое и Философы. Удивляюсь только тому, что часто и Историки выдают нам небывальщину за правду. Великий философ Бакон уверяет нас, что славный Перкинс, принявший на себя имя Рихарда IV, очарованием Герцогини Бургундской подкрепляем был злым духом. Не буду говорить ничего о многих несбыточных чудесах, ни о многозначущих кометах, хотя и чувствую в себе великую охоту написать какой-нибудь роман, последуя их примеру. Однако ж, в таком случае буду справедливее и чистосердечнее всех писателей. Что читатели здесь ни увидят, все то невиданное и неслыханное; следовательно, самая истинная ложь и настоящая неправда.

Н Е С Б Ы Т О Ч Н Ы Я

П У Т Е Ш Е С Т В І Я

Вѣ небывалыя страны Свѣта.

Пришло нам некогда в голову посмотреть и полюбопытствовать новых, странных и небывалых вещей. Нас было сначала всех числом пятнадцать человек, и сперва все Немцы. Севши на добрый и надежный корабль, управляемый искусным кормщиком, поехали мы чрез Адриатическое море в Средиземное. Дорогою пристало к нам по пути мимоходом великое множество и других народов. В то время известный по знаменитости своей Генуэзец и Васко де Гама не открыли еще пути в обе Индии.

Плыли около двадцати четырех часов, не потерявши земли из вида; но при восходе солнечном поднялся вдруг столь жестокий вихрь, что мы и паруса свои спустить не успели и предались на произвол ветров и бури. Ветром несло нас целых два месяца с половиною и бросило на один высокий остров, покрытый лесом, к которому пристать было весьма удобно.

Вышедши на берег, употребили мы несколько часов на отдохновение; потом пошли внутрь того острова, чтобы осмотреть его положение. Между тем, оставили однако ж у корабля нашего более тридцати человек на карауле. Отошедши в лес расстоянием от берега шагов около пятисот, увидели медный столб, на котором была Греческими буквами

надпись, от времени почти совсем заглаженная: «Здесь были Геркулес и Бахус». В находящейся тут поблизости каменной горе заметили два следа, втопанные в камень, из которых один был длиною почти на целую десятину. По сему заключили между собою неоспоримо, что этот след наверное должен быть Геркулесов.

Осмотрев сие место, удостоенное пребывания великих героев, сели опять на свой корабль и поехали далее. Отъехавши несколько миль, приплыли к одному озеру, в котором вода имела вкус, подобный наилучшему Кипрскому вину. Сие служило явным признаком, что здесь когда-нибудь был Бахус. Из любопытства пошли мы к источнику того озера, дабы узнать настоящую причину такого чуда. Там нашли растущий виноград большими и крупными кистями; озеро же то вытекало из-под его корня, и находилось в нем великое множество рыб, которые все имели винный вкус и запах, потому что, кто съест хотя самый малый от них кусочек, тот в одну минуту опьянеет и потеряет все свои чувства.

Переехавши чрез озеро, нашли мы другие виноградные кусты страшного и особенного рода. С головы и до пояса имели они вид прекраснейших девушек; а низ оканчивался зеленым пнем и корнем. Смотри на них, придет всякому на память волокитство Аполлона за Дафною. Из пальцев их произрастали ветви с крупными кистями винограда; головной же убор состоял из виноградных листьев. Деревья сии оказывали нам всевозможные ласковости; один куст говорил по-Испански, другой по-Шведски, третий по-Французски, иной по-Португальски, иной по-Итальянски; одним словом, кто бы каким ни говорил языком, то мог найти с ними очень приятное для себя препровождение времени. Не могли только сии деревья терпеть того, когда кто срывал висящие на ветвях их плоды. Тогда кричали они так, как будто бы от побоев. Прозабавительные сии женщины устаивали нас ласковостями своими; но поцелуи их были весьма опасны и прилепляли к ним навсегда всякого, кто хотя мало от них не остережется.

Опасаясь такой участи, поспешали мы к своему кораблю и, севши в него, рассказывали остававшимся в нем на-

шим товарищам виденные нами чудеса и несбытности. Запасшись из тамошних рек водою и вином, и дождавшись светлости полного месяца, отправились далее.

Сначала ветер был нам попутный, но продолжался только до рассвета; а потом превратился в такой жестокий вихрь, что поднял корабль наш на три мили кверху. В воздушном сем путешествии плавали мы по Атмосфере целые семеро суток, и наконец прибились к одному круглому и светящемуся острову, который, несмотря на то, что носился по воздуху, был однако ж обитаем. Днем не видно было в нем ничего; но как скоро наступала ночь, то показывались около его многие плавающие острова различной величины и вида; а под ними можно было приметить один шар со всеми находящимися на нем реками, морями, лесами и горами. Все мы согласились единогласно, что тот видимый нами шар была наша земля, потому что приметили на нем некоторые большие города, которые с высоты и вдали казались нам самыми малыми муравьиными кучами.

Сопедавши на тот остров, были мы взяты в полон Гиппогрифами. Чудовища сии были люди, едущие верхом на Грифах, имеющих по три головы. Крылья их были больше самой высокой корабельной мачты со всеми парусами. Поручено им было там смотрение за улицами и дорогами. Поелику мы были чужестранцы, то и повели они нас к своему владельцу.

По платью нашему приметил он тотчас, что мы Европейцы, но только из разных той части Света народов. Удивлялся чрезвычайно тому, что могли приехать в его землю и переехали столь великое и почти неизмеримое пространство. Мы рассказали ему все наши приключения. В замену того и он признался нам, что называется Эндимионом, и что похищен был сюда ночью сонный. Притом уверял нас, чтобы мы у него ничего не опасались и ни о чем не заботились.

Между прочими разговорами признался нам, что имеет войну с жителями Солнца; и если возвратится оттуда победителем, то мы можем жить у него в мире и изобилии, и наслаждаться всяким благополучием.

Мы спрашивали его о причине той войны; на что отвечал он нам, что та солнечная земля, также как и Луна, обитаема; владеет ею Фаэтон, и не допускает посылать наши поселения в Дневную звезду, которая не что иное, как остров пустой и необитаемый. Однако ж, продолжал он, я с ним управлюсь; и если вы хотите соучаствовать в нашем сражении, то я прикажу вам дать из конюшни моей самых лучших Грифов, и завтра поедem в поход вместе.

На предложение его мы согласились, за что удостоил он нас остаться при своем ужине. На другой день собрались все его войска. Король поставил их в ордере-баталии; ибо нарочно присланные с границы курьеры привезли известие, что начал уже показываться неприятель.

Войско состояло из миллиона конницы, в которой было восемьсот тысяч Гиппогрифов и двести тысяч Лаконоптеров, не считая пехоты и союзников. Лаконоптеры были большие птицы, покрытые вместо перьев травой; на них сидели Скородомаки и Ценхроболы. В числе союзников было тридцать тысяч Псиллотоксотов из созвездия Медведя и пятьдесят тысяч Анемодромов. Первые сидели на необычайной величины блохах, которые ростом были больше двенадцати слонов; а последние носились на крылах ветров. Анемодромы употребляли также в пользу и свои епанчи, которые были им вместо парусов; в сражениях служили они вместо легкой пехоты. Ожидали еще на помощь семьдесят тысяч Гиппогоранов; однако ж к сражению они не успели.

Теперь за нужное остается дать подробное описание всему Эндимионова войска вооружению. Шлемы их сделаны были из раковин, панцири из бобовой шелухи, а шпаги и щиты несколько похожи на Европейские.

Эндимион с Гиппогрифами своими стал на правом крыле. Мы с отборными людьми из его войска составляли его гвардию. На левом крыле стояли Лаконоптеры, а средину составляли союзники. Пехота состояла из шестисот миллионов, и была поставлена во всем совершенстве самым настоящим боевым порядком.

Пауки в сей земле величиною с самого большого из Цикладских островов. Король повелел им протянуть от Луны до

Дневной звезды крепкую паутину, которая поспела у них в одну минуту. На сей паутине поставил он свою пехоту, которою предводительствовал сын его Никтерион с двумя приданными ему в помощь военачальниками.

Теперь начнем описывать армию Солнца. Левым крылом предводительствовал сам Фазтон; состояло оно из одних Гиппомирмехов, которые суть подобные нам люди, ездящие на муравьях, у коих одно крыло величиною более двух десятин, а роги их служат им вместо оружия. Число их простиралось до пятидесяти тысяч. На правом крыле стояли Аэроконопы, которые ездили на самых больших мухах и составляли при войске стрелков и егерей. Позади их поставлены были Аэрокордаки, которые стреляли из перьев репою, но в случае сражения оказывали великие услуги. К сим примыкали десять тысяч Канломицетов, которые имели на себе чрезвычайно тяжелое вооружение. Щиты их сделаны были из больших грибов, а копья из спаржи. За ними следовали Цинопаланы, присланные из звезды Каникулы. Ожидали также войска и из Млечного пути; но тамошние жители прислали одних только Нефелокентавров, которые лучше бы не приходили, потому что вырвали из рук наших победу.

Наконец дошло дело до сражения. Распустили знамена, и ослы заржали во весь голос (надобно знать, что в сей земле вместо трубачей употребляются ослы). Обе армии сразились с чрезвычайно жестокостью. Левое неприятельское крыло отступило несколько назад. Гиппогрифы наши преследовали неприятелей мужественно, и все, что им ни попадалось, терзали на части. Но правое их крыло имело лучшие успехи. Аэроконопы прогнали наших до самой пехоты, которая встретила их крепкою рукою и несколько поприостановила. Повсюду лились целые реки крови, так что и облака от того все позарумянились и покраснели. Некоторая из них часть, оторвавшись, упала на землю. Не понапрасну говорил Гомер, что при смерти Сурпедиона шел кровавый дождь. Теперь вижу я и сам, что рассказы его ложью почесть не можно.

Наконец наши, уставши гнать и рубить неприятелей, возвратились назад и поставили два трофея, один на облаках,

а другой на паутине. Но вдруг пришло известие, что показались Нефелокентавры.

В прежние времена во всех превыспренних землях торжествовали победоносные праздники в самое то время, когда приходили к ним из войск их хотя малые только остатки. Нефелокентавры были крылатые чудовища, состоящие из половины человека и половины лошади. Пришли они на сражение чрез Эклиптику, и число их было почти неисчислимо. Услыша о поражении Солнцевых войск, велели дать знать Фазтону, что хотят сами собою начать сражение и построились в боевой порядок. Бросились с устремлением на нашу армию, поворотили нас назад и гнали Эндимиона до самой Луны. С великим трудом мог он спасти некоторую часть своих Гиппогрифов. Прогнавши нас, разрушили они все наши трофеи и пробежали все пространство между Луною и Дневною звездою. В сем сражении я и двое моих товарищей попались в полон.

Фазтон приказал поставить на том месте новые свои трофеи, а нас отправить за караулом в Солнце. Осаждать Луну не рассудил он за благо, но только провел вокруг ее из густых облаков толстую циркумвალационную линию, так что в Луне произошло самое темное затмение, потому что не получала она от Солнца ни малейшего света. Эндимион, не стерпя наконец такой беды, дал Фазтону аманатов, и по примеру Европейцев заключен был между ими трактат, коего главнейшие пункты по взаимному с обеих сторон условию состояли в следующем:

Циркумвალационную линию истребить.

Пленных с обеих сторон разменять за денежный выкуп.

Эндимиону не посылать ни в какое созвездие своих селений.

Эндимион и потомки его должны платить Фазтону и потомкам его ежегодно по десяти тысяч бочек росы, и по стольку же присылать аманатов.

Дневная звезда населена будет обеими державами вообще; в чем также могут иметь участие обеих сторон союзники.

Сии мирные договоры вырезаны на алмазе и поставлены на столбах при границах обеих сражавшихся держав. Со стороны Солнца подписались к трактату: Пиронид, Теритес и Флогий; а со стороны Луны: Никтор, Мений и Полиламп.

Таким образом заключен мир, Циркумвалационная линия скрыта, и мы, получа свободу, возвратились опять к Эндимиону.

Теперь самый удобный случай описать как землю, так и нравы жителей в Лунном царстве Эндимиона.

Когда в сей земле человек состареется, то не умирает; но исчезает наподобие дыма. Все тамошние жители довольствуются одною пищею, которая состоит из жареных на углях лягушек. Они их не едят, но только глотают восходящий от них дым и пар. Вместо обыкновенного питья пьют воздух, который выдавливают в стакан наподобие сока. В сей земле безволосые почитаются отменными красавцами; напротив же того, в Кометной земле лучшею красотою почитается долтоволосие. Виноград у них подобен граду; и когда у нас идет град, то надобно знать, что в то время трясут в сей земле виноградные деревья. Богатые люди носят стеклянные платья, а бедные медные, потому что в сей земле как стекло, так и медь можно прясть, как лен или хлопчатую бумагу. Лунные жители употребляют свои глаза так точно, как мы употребляем очки; они могут их вставлять и вынимать, когда им угодно. Если кто потеряет свой глаз, то занимает другой у своего соседа. У кого много глаз, тот почитается у них богатым. Глаза у них столько же дороги и важны, сколько у нас деньги.

В Королевском дворце видел я многие весьма чудные и совсем невероятные вещи. Видел там один колодезь, который не очень глубок; но когда кто в него спустится, то услышит все, что на нашей земле ни говорят. Также есть там одно зеркало, в котором видно все, что у нас ни происходит. Теперь могу моих читателей уверить по самой чистой и добросовестной сочинительской справедливости, что посредством сего зеркала мог рассмотреть подробно все дела и поступки нашего человеческого рода; видел в нем ясно все тонкости кабинетов, все узлы и завязки судебных мест, все

домашние и хозяйственные неустройства, все происходящие в женских спальнях комнатах проказы; одним словом, все побудительные причины трусости, страха, ласкательства, почтения, любви, ненависти, славолюбия, любочестия, корыстолюбия и всех человеческих пороков и добродетелей. Мог бы о том написать большие и огромные томы; но читатель мой не должен от меня того опасаться.

Простясь с Королем и со всем его двором, получили мы в подарок по два хрустальных и по пяти медных платьев, и, направивши паруса, поехали по неизмеримому пространству воздуха. Дорогою провожал нас целый полк Гиппогрифов, расстоянием от столицы более пятисот миль. Проехавши великое множество разных земель, пристали наконец к Дневной звезде, которая начала уже быть обитаемою, и старались там запастися свежешю водою. После того въехали в Эклиптику, и, оставя Солнце влеве, пристали к одному острову, который был с наружного вида очень красив и обещал нам много доброго.

Тут напали на нас подвластные Солнцу Нефелокентавры, почитая нас неприятелями, но, когда объявили мы им о заключенном мире, то отступили они от нас назад.

Проплывши всю ночь и следующий день, пристали мы к Фонарному острову, который лежит между Плеядов и Эклиптики. Сошедши на берег, не нашли там ничего, кроме одних фонарей, которые прохаживались наподобие человек. Одни из них были малы и темны, коих признали мы простым и подлым народом; другие же были велики и светлы, и составляли богачей и знатное дворянство; но число их было невелико. Все они приласкали нас очень вежливо, расспрашивали о разных новостях и звали к себе в гости; однако ж мы на ласки их не поддавались, опасаясь какого-нибудь под ласкою обмана. Королевский дворец построен посреди города. Всякую ночь каждый гражданин должен туда прийти и дать отчет в своих поступках и поведении. Преступникам нет никакой другой казни, как только что их погашают; а сие служит у них некоторым родом смерти.

Подошли мы к судебному их месту, и к великому нашему удивлению увидели несколько фонарей из собственных

наших домов. Они рассказали нам наши домашние обстоятельства, которые многим из нас не очень были приятны.

Пробывши там всю ночь, поехали мы поутру очень рано и приплыли под самые облака. Мимоездом видели славный город Нефелококцигию, однако ж за противным ветром к нему не пристали. В сем городе царствует Коронус, рожденный от Котгизиона, упоминаемого стихотворцем Аристофаном, который никогда не писал неправды.

Спустя потом трои сутки могли мы заметили очень ясно земной наш Океан; но блестящих и светящихся земель уже более не видали. На четвертый день сделалася тишина. Потихоньку спустилися мы в море; начали пить, есть, проклажаться и веселиться. Океанское море было тихо и чисто, как вымытое Богемское стекло; на что прельстясь, пошли мы в него купаться.

Иногда самый малейший луч счастья служит предвестником великих бедствий.

Плавая сутки двои по Океану, на третий день увидели мы великое множество рыб, из коих одна была более версты величиною. От выпускаемой из жабров их пены поверхность моря походила на сметану. Увидя плывущую прямо на нас ту большую рыбу с разинутою пастью, препоручили мы себя все Провидению и обняли взаимно друг друга, дабы по крайней мере хотя умереть вместе. Рыба та поглотила весь наш корабль и с нами; однако ж мы были так счастливы, что проскочили между зубов ее прежде, нежели она вздумала сжевать свою добычу.

Во внутренности ее сначала не взвидели мы ничего; но, когда рыба разинула свою пасть, то усмотрели в ней ужасное пространство, могущее поместить в себя людей бесчисленные тысячи. Приметили также великое множество поглощенных ею рыб, зверских и человеческих черепов, больших связок с товарами, якорей и корабельных мачт; а при том большие кучи земли и гор, которые, может быть, она скушала когда-нибудь за недостатком другой пищи. На земле той росли разного рода деревья, на которых летающие там птицы свивали свои гнезда.

Сопутники наши проливали горькие слезы; я старался ободрять их из всей моей мочи; приказал поставить корабль наш прямо для того, что был он на боку; потом велел раскласть огонь и, сваря себе, что могли у себя найти, сели за стол чем Бог послал обедать. На другой день, едва только мы проснулись, то рыба наша разинула свою пасть, и мы увидели небо, землю, горы и все то, что есть на нашем свете.

Пробывши несколько времени во мрачном сем, пустом и внутреннем обиталище, наскучило мне жить тут далее. Уговоря человек около десятка наших спутников, пошел с ними осматривать земли той положение. Отошедши шагов около десяти тысяч, нашли мы небольшую часовню, и по находящейся при ней подписи могли заметить, что она когда-нибудь была посвящена Нептуну. При часовне протекал чистый и прозрачный источник. Спустя потом несколько времени слышали мы собачей лай и увидели вдали дым, почему и рассудили, что то место должно быть обитаемо. Удвоя наши шаги, встретили седого старика с молодым юношею, которые обрабатывали сад и копали для поливания его колодезь.

Удивясь такой неожиданной встрече, смотрели мы на них долгое время, не говоря ни слова. Они, поражены будучи таким же удивлением, подражали нам во всем совершенстве без малейшего помешательства и ошибки. Наконец спросил нас престарелый тот муж: кто мы? морские ли боги, или человеки? «Мы, — говорил он, — жили прежде сего на том свете; но теперь живем в рыбе, не зная никак того, кто мы таковы».

На приветствие сие отвечал я следующее: «Мы бедные странники; вчерашнего дня поглощены с нашим кораблем и видно, что сам Бог принес нас в сие место, дабы мы могли подать друг другу помощь и утешение. Теперь видим своими глазами, что не одни страдаем в бедствиях и напастях; но есть и другие подобные нам несчастные. Расскажи нам твои приключения; а потом перескажем мы тебе и наши».

«Нет, — отвечал он, — наперед хочу я еще поестъ». Сказавши сие, взял нас за руки и повел в свою пещеру, в которой употчивал прямо по-барски. Наевшись и напившись до-

сыта, должны мы были рассказать ему наши похождения, которым он не мог довольно надивиться.

Он же сказал о себе, что родился на острове Кипре, поехал с сыном своим для торговли в Италию; дошел благополучно до Сицилии; но вдруг восставший ветер бросил их в Океан, где поглощены они были большою рыбою. Все их спутники померли, а остался один только он со своим сыном. Проживши несколько времени в рыбьей внутренности, построили они небольшой храм, около которого развели маленький садик, от коего и получают свою пищу. Неподалеку оттуда есть соленое озеро, в котором они купаются и ловят для себя рыбу. В сей рыбе живут они уже более двадцати семи лет; и жили бы очень благополучно, если бы не беспокоили их другие живущие близ их соседи.

«Как? — сказал я, — разве есть еще здесь и другие обитающие с вами люди?» — «Да, так, — отвечал он; — и совсем странного и особенного рода. В дальнем конце острова к западу живут Тариканы, у которых головы раchy, а нижняя часть тела похожа на угря; впрочем же, сей народ весьма храбр, суров, груб и бесчеловечен. На другой стороне по правую руку живут Тритономендеты, которые до пояса похожи на нас, а далее пояса подобны кошкам. Сии не столько свирепы, как первые. На левой стороне обитают Карцинокиры и Киноцефалы. В середине живут Пагуроды и Пситоподы, кои суть храбрейшие и мужественнейшие народы во всем свете. Восточная страна нашей рыбьей внутренности почти необитаема для того, что всегда бывает покрыта водою. Прежде хотел было я там основать мое жилище; но должен был платить Пситоподам по пятисот устриц».

«Сколько здесь всех жителей?» — спросил я у старика. «Более тысячи, — отвечал он; — но у них нет никакого другого оружия, кроме рыбьих ребер». — Если они так безоружны, то мы победим их, без всякого сомнения; а побеждая их, овладеем и всею землею, и можем жить здесь без всякой опасности».

Решаясь вступить в сражение, пошли мы на наш корабль и выбрали из него все для нас нужное. Войну объявили мы тем, что не согласились платить подати. Тогда наступили

на нас Пситоподы и Пагуроды с великим шумом и устремлением; но мы к принятию их приуготовились, и ожидали их на себя с твердою неустрашимостью. Сражение было жестоко и кровопролитно, и наконец победа перешла на нашу сторону, и мы убили более двухсот неприятелей. Однако ж при сем случае потеряли двух своих сопутников, из числа коих был наш кормчий, который изранен весь насквозь рыбьими костями. Неприятелей гнали мы до самых их ущелин, и, возвращаясь назад, воздвигли из Дельфиновых ребер трофеи.

Слух о сем поражении принудил всех прочих обитателей принять оружие. На другой день появились они противу нас во всем полном вооружении. На правом крыле были Тариканы, на левом Киноцефалы, средину же армии составляли Карцинокиры. Одни только Тритономендеты остались дома и сохраняли самый важный и непосредственный неутралитет. Мы ударили на них неподалеку от Нептунова храма и, устремяся, произвели столь великий крик, что раздался он в рыбьем чреве великими и многоразличными отголосками. Победить их могли мы очень легко, свободно и удобно, потому что были они наги и безоружны. Гнали их до самого леса. Тритономендеты, услыша о сем поражении, старались спастись сквозь рыбы уши в открытое море.

Одержав полную и совершенную победу, соделались мы там настоящими господами и повелителями и ходили куда хотели на охоту, завели виноградные сады и начали обрабатывать пожранную рыбою землю. Но со всем тем, наша жизнь подобна была жизни несчастных пленных и заключенных, которые стараются сыскать себе какое-нибудь утешение и препровождение времени.

Рыба, в которой мы обитали, зевала по одному разу в час, по чему и могли мы исчислять и располагать наше время. В пятый день девятого месяца при зеве ее слышали мы великий шум от галерных гребцов и весел. Подбежавши к отверстию ее пасти, увидели странное и невероятное чудо. Чрезвычайной величины Колоссы плыли на островах точно так, как мы ездим на шлюпках. Острова те имели в окружности

около пятнадцати верст. На каждом из них сидело по тридцати человек, которые гребли в тех островских судах вместо весел китовыми усами. На носу острова стояло около сорока вооруженных по-нашему ратоборцев. Растущие на островах деревья служили вместо парусов.

Сначала увидели мы из тех островов не более трех или четырех, которые устремлялись с великим свирепством друг на друга. При первом ударе были некоторые острова опрокинуты, иные затоплены, а некоторые остались победителями. Победители вскочили на острова побежденных, дабы не допустить их спастись бегством, и рубили все, что им ни попадалось, не бравши в полон ни одного человека. Один из предводителей морского того ополчения назывался Эолокентавр, а другой Талассопот. Первый упрекал другому в том, что отнял он у него многие отряды Дельфинов. Но со всем тем остался победителем и пробуравил более ста пятидесяти неприятельских судов со всем, что в них ни находилось. По одержании победы поставил он великолепный трофей на голове самого большого кита, и в честь Нептуну повесил один из величайших островов на воздух. Флот его бросил на кожу нашей рыбы якорь, и на другой день, похороня своих мертвых, пошел в обратный свой путь с триумфом.

Наконец, наскучивши жить в рыбе, вздумали мы сделать у нее на правом боку небольшое отверстие для своего освобождения. Рылися и копалися более пятисот сажен, но конца никак не находили; итак, положили за лучшее зажечь лес, дабы тем уморить заключающую нас в себе рыбу. Лес горел более недели, после чего рыба начала зевать гораздо реже, из чего заключили мы, что начала она томиться. В одиннадцатый день заметили, что рыба наша умерла, потому что начала уже вонять. В пасть ее поставили мы тотчас большие бревна, дабы не могла она ее зажать; запаслися провиантом и всеми в дорогу потребностями, и на третий день протаскивали сквозь зубов ее наше судно и спустили в море. Вырвавшись на свободу, сошли на спину той рыбы, и, принеся Нептуну благодарственную жертву, направили паруса и поплыли далее искать новых приключений.

Прежде всего увидели в море великое множество мертвых тел, оставшихся от последнего сражения. Корабль наш толкался о них подобно как о камни, и мы необъятной их величине не могли довольно надивиться. Сначала погода была благополучная; но вдруг подул северный ветер, и сделался такой жестокий холод, что море замерзло толщиной более четырехсот сажен. Мы должны были с корабля сойти долой; и как ветер и стужа усиливались от часу более, то, по совету нашего кормщика, прорубили во льду яму, в которой прожили почти целый месяц; разводили там огонь, ловили под собою рыбу и тем питались. Наконец начал появляться у нас недостаток в съестных припасах; мы кое-как вытащили свой корабль, распустили паруса по ветру и побежали по льду, как будто по гладкому стеклу. В пятые сутки лед растаял, и мы, спустяся на воду, поплыли по оной и доехали до одного небольшого и пустого острова, куда сошедши, запаслися свежею водою.

Здесь убили двух диких быков, у коих рога были под глазами, как того желал насмешливый бог Момус. Далее нашли Молочное озеро, посредине коего был Сырный остров. Мы, пробывши там несколько времени, поели от островской земли и попили озерной воды. Остров сей подарил Нептун Салмонеевой дочери Принцессе Тире в награждение за ее непорочность и целомудрие. Был там также и храм, посвященной Галатее, как то мы могли приметить из вырезанной на нем надписи.

Пробывши на сем острове пятеро суток, на шестой день при благополучном ветре отправилися далее; и, плывши два дня по Молочному морю, въехали в другое, по которому прохаживалися подобные нам люди, с тою только разностью, что ноги у них были из пробочного дерева, почему и могли они на воде держаться. Они подошли к нашему кораблю, поздоровались с нами на нашем языке и сказали нам, что идут в отечество свое, Пробочную рощу. Поговоря с нами несколько часов, пожелали нам счастливого пути и пошли своею дорогою.

Проплывши несколько времени, увидели мы на правой стороне пять больших и высоких островов, на которых све-

тились многие огни. Впереди же лежал небольшой низменный остров, от которого исходил приятный запах, подобно как по рассказам Геродота из благополучной Аравии. Подплывши ближе, увидели большую, просторную и очень спокойную гавань и реки с чистою серебряного цвета водою, текущие в море весьма тихою струею. Берега покрыты были благоуханными лесами, в которых раздавался наиприятнейший концерт, ибо листья, колебаясь от ветра, издавали от себя тон, подобный флейте. И самые деревья пели и плясали по звуку флейты или стихотворческой лиры. Удивляясь такому чуду, въехали мы на всех парусах в гавань.

Стоявшие в гавани на карауле часовые связали нам руки сплетенными из роз венками и повели к своему владельцу, который уверял нас, что мы здесь ничего не должны опасаться; что остров сей служит обиталищем людей благополучных, и управляет им Радамант. Во время нашего к ним приезда рассматривали у них три весьма важные спорные дела:

1. Принять ли Аякса Теламонова сына в число героев, потому что он, сошедши с ума, умертвил себя сам?

2. Происходил любовный спор у Тезея с Менелаем за Елену.

3. Не решено еще было местничество у Александра с Ганнибалом.

По многих спорах, шумах и криках Аякс принят был в число героев; но прежде того дал ему Ишпократ хорошую напойку чихотки, чтобы он гораздо попроччался. Елену отдали Менелаю, потому что он за нее довольно помыкал горя; а у Тезея и без того были другие жены, как напр. Амазонка и Ариадна. Ганнибалу предпочтен был Александр, которого и посадили подле старшего Кира.

После того дошла очередь и до нас. Прежде всего задали нам вопрос: как могли мы отважиться осквернить жилище бессмертных Счастливых нашим приездом? По ответе нашем вывели нас вон; и Радамант, по совету Катона и Аристида, отложил наказание за наше любопытство до того времени, как мы умрем.

Между тем, позволено нам было осмотреть в той земле все редкости, и поговорить с тамошними обитателями. Оковы наши спали с нас сами собою; нас повели в город, чтобы посмотреть одного празднуемого там на то время торжества. Удивились мы чрезвычайно, увидя, что город построен был из золота, а стены его из смарагда; мостовая выстлана в шахматы из черного дерева и слоновой кости; храмы построены из рубинов и алмазов; жертвенники же из яхонта и янтаря, на которых курились всегдашние Гекатомбы; городские ворота из корицы, а во рвах текли душистые воды. В торговых банях топили корицею, а вместо воды окачивались росой. Жители носят багряничное платье, выпряденное и вытканное пауками, которые здесь не имеют в себе никакого яда. В земле сей нет ни жаркого дня, ни темной ночи, но всегда светит румяная заря, как будто на рассвете. Из времен года известна там одна только весна, а ветер дует один западный. Земля и деревья покрыты во весь год цветами и плодами. Колосья вместо зерен произрастают небольшие хлебцы, похожие на грибы, следовательно, в сей земле ни молоть, ни сеять, ни печь хлеба нет ни малой нужды. В острове сем протекают триста шестьдесят пять ручьев с благовонною водою, такое же число источников с медом, до пятисот рек с маслом, и великое множество озер с вином, молоком и сливками. Обедают там на Елисейском поле под прохладною тенью густой рощи, сидят на цветах, а кушанье подают ветры. Во многих лесах растут хрустальные деревья, на которых вместо плодов висят разного рода рюмки и стаканы; если кто только до них дотронется, то в один миг наполняются они сами собою наилучшим и вкуснейшим вином. Во время обеда поют прекраснейшие стихи, а особливо из Гомера, который здесь предпочтен Улиссу. Плясуны состоят из молодых мальчиков и девушек. Музыкаю управляют Эвном, Арион, Анакреон и Стезихор, который здесь примирился с Еленою совершенно. По окончании сей музыки является другой хор, состоящий из чижей, щеглят, соловьев, жаворонков и канареек.

Теперь опишем тех людей, которые на сем острове в отличном от прочих уважении и состоят в первой степени знат-

ности. В числе их находятся некоторые древние языческие полубоги; отличившиеся в Троянской осаде герои, кроме Аякса; оба Кира, Анахарзис, Нума, Ликург, Фокион и Телл; семь Греческих мудрецов, исключая Периандра. Сократ разговаривает здесь беспрестанно с Нестором и Паламидом, или с Нарциссом, Гиласом и Гиацинтом. Не видя тут Платона, спрашивал о нем неоднократно, и наконец узнал, что живет он в выдуманной им республике, в которой Аристипп и Эпикур играют первые роли, а Эзоп служит вместо придворного шута. Диогена никоим образом и узнать было не можно; философ сей сделался самым развратным и роскошным повесою; женился на Лаиде; с утра и до вечера поет, пляшет и дурачится, а особливо, когда выпьет лишнюю чарку. Стоикам входить в сию землю запрещено под строжайшим наказанием, и они шатаются тут около берега, стараясь прочистить путь к добродетели. Не видал я здесь Академиков, которые беспрестанно советуются и рассуждают, но никогда ни на чем не решаются. Из новейших знаменитых людей видел я здесь только Траяна и Помпея, но поелику время их на нашей земле пребывания отдалено не слишком много и не смешано ни с каким баснословием, то и говорить о них почитаю ненужным.

Пробывши в сей земле сутки трои, встретился я с Гомером и просил его сказать мне: где он родился? потому что Грамматики спорят о месте его рождения еще и поныне. Он сказал мне, что в рассуждении столь великого их о нем спора и нерешимости и сам почти не знает, откуда родом в самом деле; но думает, что рожден в Вавилоне и назывался там Тиграном. О слепоте его не спрашивал я нисколько, потому что видел своими глазами совсем тому противное.

Между тем, подошел к нам Пифагор, который кончил уже все над собою перемены и испытал семь преселений; а теперь и сам не знал, как ему называться: Пифагором, или Евфорбием? Приняли мы его весьма ласково, потому что один его бок был из настоящего чистого золота. После того пришел также к нам полужареный Эмпедокл; но принят был от нас очень грубо, потому что все боялись заразиться от него меланхолиею.

В самое то время пришло из ада известие, что Фаларис и Бузирид под предводительством разбойников Сцирона и Поттиокамита учинили там возмущение и намереваются учинить на Благополучный остров сильное нападение. Радамант поставил всех героев по берегу моря в боевой порядок и предводительство над ними препоручил Тезею, Аяксу и Ахиллему. Герои наши остались победителями; Ахиллес же наделал тут столь много чудес, что почти и поверить тому не можно. На правом крыле и Сократ работал не хуже, нежели в сражении при Делии; и в награду за то дан ему в предместьи города прекрасный сад, в котором завел он свою Академию. Победенные сосланы были опять в ад и приказано их мучить вдесятеро больше прежнего.

Между тем, произошла здесь новая и совсем неожиданная история. Цинир, сын корабельного нашего кормщика, влюбился в Елену, которая также смотрела на него чрезвычайно благосклонными глазами. Любовь их не могла долгое время быть в сокровенности, потому что при столе, на гуляньях, на вечеринках и во всех собраниях старались они быть всегда друг подле друга, а часто по несколько минут и пропадали, а особливо в саду или рощах. Наконец согласились они убежать на соседственный остров, и подговорили на свою сторону троих из наших людей, не сказавши нам о том ни слова, потому что мы бы им того никак не позволили. Предприятие свое произвели они в действо в ночное время и выехали в море так, что никто того не приметил.

Менелай, проснувшись поутру и не нашедши своей жены, поднял ужасный шум; вскочил с постели, как безумный; разбудил брата своего Агамемнона, и пошел с ним вместе жаловаться Радаманту. На рассвете посланные в погоню, возвратившись назад, привезли известие, что в самой почти неприметной отдаленности видно какое-то судно. Радамант приказал тотчас сесть на корабль пятидесяти героям и догонять беглецов сколько можно. Они старались столь усиленно и с таким прилежанием, что около полудня их догнали; связали им руки розовыми плетнями и привели обратно в гавань.

Елена плакала, рвала на себе волосы и со стыда не могла поднять глаз кверху. Радамант, расспрося преступников,

сослал в наказание в смиренный дом; нам же приказал на другой день выехать оттуда непременно, дабы не случилось еще какой-нибудь подобной тому проказы. Мне весьма было жалко и прискорбно расстаться со столь приятным обиталищем; а тем более, что боялся вдаться опять в новые бедствия. Герои Елисейских полей старались меня всячески утешать и показали мне то место, которое назначено для меня после моей смерти. Прощаясь с Радамантом, просил я рассказать мне, которой нам держаться дороги и дать знать что-нибудь о будущей нашей судьбине. Он, показавши нам соседственные острова, сказал: «Видимые вами в огне пять островов называются Адскими; далее их лежит остров Сновидений, а потом остров Оигия, на котором живет Калипса. Проехавши оный, придете вы к Антиподам и должны будете прожить несколько времени между дикими народами. Наконец, испытавши над собою многие невероятные чудесности, возвратитесь в ваше отечество». Сказавши сие, вырвал из земли репейный корень и отдал мне, советуя употребить оный для себя в случае нужды. Между тем, приказывал, что, когда мы приедем к Антиподам, то не высекать огня из сабли, не есть волчьих бобов и не подходить ни к одному мальчику, которому еще не миновало осьмнадцати лет. Причем обещал, что если я последую его совету, то по смерти моей поселен буду в Острове благополучных. Приготовясь к отъезду, просил я Гомера сочинить мне надпись, которую бы я мог прибить в гавани на каком-нибудь столбе. Она содержала в себе следующее: «Один из счастливых смертных видел здесь дивные чудеса и возвратился в свое отечество благополучно и с удовольствием».

Пробывши там еще следующий день, простились мы с обитающими на том острове героями и отправились в море. Герои провожали нас до самого корабля. Между тем, Улисс, отведши меня к сторонке, дал письмо к Калипсе; но только так, что Пенелопа не могла того приметить. Радамант послал для препровождения нас искусного кормщика Назилиона, дабы мы не могли по соседственным островам заплутаться.

Едва только потеряли мы из виду тот остров, как въехали в густую и вонючую мрачность. Вместо росы капало смолою; еще издали слышен был смолистый и серный чад и запах, как будто от жареной на огне мертвечины; между тем, слышны были хлопанья от сечения и побоев, звук цепей и крик мучимых преступников. Пристали мы к одному из островов, который был окружен крутыми утесами, и посредине коего находился один только сухой пригорок без воды и без травы. Вскарабкавшись кое-как по каменистой и обросшей терном тропинке, дошли до места наказания, которое утыкано было шпажными клинками, копьями и алебардами; орошали его три реки, из коих одна протекала кровью, другая грязью, а третья пламенем. Видны были в них рыбы, подобные обгорелым головням или угольям. На острове том не было никакого другого прохода, кроме одних узких ворот, при которых стоял на часах нелюдим Тимон. Под руководством нашего провожатого вошли мы туда и увидели из мучимых там нескольких наших знакомцев. Можно там найти таких людей, которые провожают за деньги повсюду, показывают все тамошние редкости и рассказывают о жизни и мучении каждого из осужденных. Более всех страдали там лжецы и баснословные писатели, как наприм. Геродот и Ктезий. За дымом, чадом и вонью не могли мы пробыть в том месте долгое время, и как можно старались, вышедши на берег, сесть на свой корабль и отвалить от острова.

Отплывши несколько верст, подъехали к острову Сновидений и при вечерних сумерках вошли в гавань Сна, которая была вся обсажена маковым лесом и наполнена нетопырями и совами. На острове том была одна река, проистекающая из двух Снотворных источников. Городские стены были довольно высоки и раскрашены наподобие радуги пестрыми красками. В город входили четырьмя воротами; двое из них лежали к полю Хладномыслия; одни были железные, а другие глиняные. Сими выходили оттуда дурные и печальные сновидения. Другие двое ворот выводили в гавань; одни были построены из рога, а другие из слоновой кости. Мы вошли в город сквозь последние. Владычествует над сим островом Сон, коего дворец лежит по левую руку

от входа. На правой стороне воздвигнут храм Ночи, которая почитается здесь богинею; а далее построен храм Куроглашения. Сон имеет у себя двух министров, Тараксиона и Плутокла, которые рождены от Ничего и Фантазии. Посреди площади протекает Источник мыслей. Одна сторона храма посвящена Правде, а другая Лжи. Островские жители весьма между собою различны; одни красивы и стройны; другие же малорослы и безобразны. Первые одеты великолепно, подобно как цари на театре; а другие покрыты лохмотьями и лоскутками. Нашли мы там многих из наших знакомых, которые зазвали нас к себе, употчевали по самое горло и при отъезде пережаловали всех Князьями и Королями. Пробыли мы там двенадцать ночей, и во все то время ничего иного не делали, как только ели и спали. Наконец, проснувшись от громового удара, пошли на свой корабль и отвалили от гавани.

Чрез трои сутки приехали в остров Оигигию. Еще до прибытия нашего туда распечатал я Улиссово письмо, опасаясь того, чтобы сей обманщик не сыграл и с нами какой-нибудь шутки. В письме том нашел я следующее:

«Улисс Калипсе. Едва только я тебя оставил, как претерпел кораблекрушение, и с великим трудом при помощи Левконой спасся на Феакийскую землю. Пришедши домой, нашел у жены моей великое множество любовников, которые объели и пропили все мое имение. Я перебил их всех до смерти; а потом умерщвлен и сам Телегоном, которого родила мне Цирцея. Теперь живу на острове Благополучных, где оплакиваю те удовольствия, которыми наслаждался с тобою, и сожалею о том, что не остался у тебя навсегда и отказался от предлагаемого мне тобою бессмертия. Если только удастся мне отсюда убежать, то будь уверена, что меня опять у себя увидишь. Прощай!»

Сошедши на остров, нашли мы очень скоро Калипсину пещеру в самом том виде и положении, как она описана Гомером. Калипса вышивала обои. Прочетши поданное мною ей письмо, начала неутешно плакать. Просила нас к себе в гости и употчевала великолепно. В продолжение стола задавала нам разные вопросы; а особливо спрашивала нас: так

ли Пенелопа пригожа и целомудренна, как о ней говорят писатели?

Пробывши у ней несколько времени, возвратились на свой корабль и на другой день при попутном ветре поехали далее. Двои сутки качало нас жестоко бурею, а на третий день напали на нас варвары, едущие по морю на шестиаршинных тыквах. Когда тыквы на гряде высохнут, то выколапывают они из них всю середину; семечки употребляют вместо каменьев, листья вместо парусов, а из стволов делают мачты. По долговременном с нами сражении увидели мы других морских разбойников, которые нападшим на нас были злейшие неприятели, почему они, заприметя их, разбежались в разные стороны. Мы, оставшись на свободе, выпустили скорее паруса по ветру и побежали в открытое море, не ожидая конца сражения. Но по всему видно, что победителями остались последние; числом их было гораздо больше, а и суда их состояли из ореховых скорлуп, а не из тыквов.

Избежавши опасности, перевязали наших раненых и наблюдали всевозможную осторожность, дабы не подвергнуть себя опять нечаянному нападению. Предосторожность наша была для нас и бесполезна, потому что пред захождением солнца напало на нас около двадцати человек, едущих верхом на Дельфинах, которые скакали по воде, как самые резвые лошади. Подъехавши к нам близко, окружили нас со всех сторон и бросали в нас рачьими глазами, которые были величиною больше страусова яйца и могли бы нас утопить непременно; но мы, стреляя в них из нашего оружия, прогнали до самого их острова, который был пустой и бесплодный, что и принуждало их по морю разбойничать.

Около полуночи настала великая на море тишина. Мы нашли гнездо ледяной птицы, которое почли сначала за подводный камень; но, осмотря обстоятельнее, сошли на него и увидели, что свито оно из тростника и камыша; нашли в нем около пятисот яиц, из коих самое меньшее было величиною с сороковую бочку. Находящиеся в них цыплята были уже почти совсем высижены и под скорлупою пищали.

Отошедши еще несколько далее, увидели невероятное чудо. Нарисованная на корме нашего корабля птица начала петь и махать крыльями. Бывший с нами штурман не имел на голове ни одного волоса; но вдруг сделался мохнатым и кудрявым. Середняя мачта, укоренившись, пустила ветви и принесла плоды. Удивляясь таковым чудесностям, просили мы богов, чтоб они их от нас отвратили. Но проплывши немного, увидели еще больше дива. Целый лес кедров и кипарисов стоял на воде прямо и плавал без корня. Сначала сочли мы то твердою землею; но, подошедши ближе, усмотрели свою ошибку и заблуждение. За густотою того леса не могли никак сквозь него продрасться, почему, втаща наш корабль на вершины, распустили паруса и побежали по верхушкам, как будто по льду. Тут вспомнил я об одном стихотворце, который называл море густым и кустистым. Проехавши лес, опустили опять корабль на воду, поплыли по гладкому морю и наконец пришли к одной пристани. В том месте вода разделялась надвое, оставляя посредине между собою глубокую стремнину, в которую бы упали мы неизбежно, если бы не успели заблаговременно подбрать паруса. Осматриваясь во все стороны, увидели водяной мост, соединяющий поверхности обоих морей, и по нему вошли в другой Океан.

Море сие было тихо и спокойно; нашли мы на нем немалое число небольших островов, к которым пристать было весьма легко и удобно, и где мы старались запастися съестными припасами и водою. Услыша вблизи чудное мычание, побежали к тому месту с великою поспешностью, надеясь там найти коровьи стада. Но к великому нашему страху и удивлению увидели диких людей, имеющих бычьи головы и подобных баснословным Минотаврам. Мы старались спастись от них бегством; но они, нас догнавши, захватили в когти свои троих наших попутников. Прибежавши на корабль, схватили мы скорее оружие и пошли выручать своих товарищей; но нашли уже их разорванных на части и съеденных. В исступлении нашем и бешенстве побили более пятидесяти диких и двух взяли в полон. За недостатком в съестных припасах многие советовали поступить с ними так

точно, как они поступали с нашими людьми; но большая часть соглашалась их поберечь, дабы посредством их достать настоящую пищу. Итак, променяли их на сыр, сушеные рыбы, чечевицу и нескольких треножных оленей.

Отдохнувши несколько времени и дождавшись попутного ветра, поехали далее, и, отъехавши немного, увидели в море великое множество рыб, а в воздухе большие стада птиц, почему и полагали наверное, что должна тут быть неподалеку земля. А между тем, увидели весьма странных плавальщиков. То были люди, которые плыли на спине, имея между ногами долгую палку, служащую им вместо мачты и на которой натягивали они небольшие паруса, управляя их руками; и таким образом катались по всему открытому морю. Другие из них разъезжали на пробочных корках, в которые были запряжены цугами Дельфины. Нас они нимало не беспокоили; но, подъехавши ближе, удивлялись образу нашего мореплавания столько же, сколько мы им дивились.

Около вечера пристали мы к одному острову, на котором жили одни только женщины. У них было только по одной ноге, но и та ослиная; а впрочем, были совершенные красавицы, и недостаток свой старались прикрывать длинными юбками; но мы то заметили очень скоро.

Они приняли нас весьма ласково и проводили в свое жилище. Мне приветствия их показались несколько подозрительными. Стараясь примечать везде пристальнее, увидел я запрятанных по углам несколько человеческих костей и черепов, почему для предосторожности вынул тотчас из кармана репейный корень, данный мне Радамантом для употребления в случае самой крайней нужды. Потом, обнажа шпагу, принуждал хозяйку мою признаться мне чистосердечно, какие они были люди. Она сказала, что они не что иное, как морские женщины, которые заманивают к себе чужестранцев и, наскуча ими, съедают. Я, связавши ее, вскочил на крышу дома и, призвавши к себе громким голосом всех моих товарищей, рассказал им все мною слышанное. Между тем, хозяйка моя, распустясь, превратилась в воду, в которую я, сунувши мою шпагу, вытащил оттуда всю в крови. Не дожи-

даясь далее ничего, побежали мы на свой корабль и на самом рассвете поплыли в море и приехали к Антиподам.

Принесши благодетельствующим богам благодарственную жертву, советовали между собою, что нам делать. Одни из наших сотоварищей хотели сойти на землю, и осмотря оную, возвратиться в свое отечество, потому что мы уже нашли то, чего искали. Другие же намерены были, оставя корабль на берегу, идти далее во внутренность той земли и сочинить подробное описание о нравах и обычаях ее жителей. В продолжение сего спора поднялася вдруг ужасная буря; корабль наш разметало в мелкие щепки, и всяк должен был спастись, сколько куда мог и умел.

Думаю, что струсил бы тут и сам Геркулес, когда бы увидел свое судно, разбитое в щепки, и надежду возвратиться в отечество уничтоженною совершенно. Но мы утешали взаимно друг друга и ободряли, сколько у кого случилось на тот раз ума и мочи. Одни из нас расклали огни; другие разошлись по берегу и ходили во внутренность той земли. Некоторые, возвратяся к вечеру, сказали нам, что земля та обитаема, обработана и населена многими неизвестными нам животными; но человеческих следов и признаков они не видали. Более всего удивлялися они тому, что там овцы паслися вместе с волками, ястреба летали в одном стаде с голубями, журавли играли с лягушками, а рыбы плавали дружелюбно с выдрами и бобрами,

Между тем, пришли к нам обезьяны, одетые великолепно по-Европейски, и звали нас к своему Королю. У каждого из сих послов сидел на руке попугай, который служил им вместо переводчика и умел говорить на всех языках. Мы, повинувся Королевскому повелению, пошли за ними. Дорогою рассказали они нам, что мы находимся в Острове животных, который зависит по покровительству от Баснословного царства. Остров сей окружается многими другими, как наприм. Островами Великанов, Волшебников, Пигмеев и прочих чудовищ, которые состоят все под управлением Стихотворцев, коих остров отсюда недалеко и разделяется на многие малые провинции, как напр. Смехотворную, Слезливую, Баснословную, Бестолковую, Усыпительную и Разбудительную.

Во всех сих провинциях за величайшее преступление почитается то, когда кто скажет об одной вещи дважды. В остров сей иначе войти не можно, как оставя свой рассудок при входе под караулом; при возвратном же пути можно его и опять взять назад; но по большей части находят уже его подделанным, попорченным и фальшивым.

Республика животных, говорил нам один из посланников, управляется Фениксом. Владелец наш хочет вас видеть нетерпеливо, потому что от рождения своего не видал еще ни одного человека. На острове сем не позволят вам быть очень долгое время; ибо нам запрещено под жесточайшею казнью иметь обращение с человеками. Законодавец наш, предписавши нам правила общежития, научил любить и понимать друг друга; но дар слова дан одним только попугаям, скворцам и сорокам. Обезьян же в рассуждении острого их понятия и склонности к подражанию научил одеваться по-Европейски. Ласточки употребляются здесь вместо архитекторов и домостроителей; свиньи и кроты служат у нас пахарями; муравьи наполняют запасом наши житницы. В древние времена управлял нами Эзоп; но, принужден будучи отлучиться от нас к человекам, препоручил нас в управление Фениксу, который живет многие века. Министрами и придворными при нем служителями определил обезьян; войска набрал из львов и барсов; часовыми назначил собак и гусей; должность переводчиков препоручил попугаям; лекарями поделал журавлей и единорогов. Все животные живут здесь в мире, тишине, согласии и спокойствии. «Но чем же питаются плотоядные животные?» — спросил я у нашего провожатого. — «Им отдают на съедение дряхлых стариков и преступников».

Между сими разговорами дошли мы до Фениксова дворца. Он сидел в большой галерее, освещенной сидящими на потолке узором блестящими в лесу червячками. При дверях стояло на часах по два льва и по два барса. Мы, увидя их, пришли в чрезвычайный страх; но в сопровождении нашего путеводца прошли сквозь них благополучно. Феникс сидел посреди галереи на золотом престоле, украшенном разными жемчугами, под балдахином из амбры и кораллов, испещ-

ренных по некоторым местам алмазами. Но сам собою превосходил весь блеск своего престола. Шея его была подобна чистейшему золоту; крылья огненного цвета с неблазуревыми полосами; на голове же вместо короны светозарная утренняя звезда. От престола его по обе стороны на приуготовленных в виде амфитеатра местах сидели разноцветные и разнovidные птицы, из которых одна другую превосходила своею красотою; а многие из них, особливо же из самых лучших, красивейших, редчайших и прекраснейших, порхали в той галерее по воздуху. Внизу стояло бесчисленное множество павлинов с распушенными хвостами. Увидя такое великолепие, соделались мы от удивления почти неподвижными. Наконец Феникс приказал некоторым птицам, разумющим наш язык, учинить нам приветствие; а потом и сам чрез одну сидевшую у него на руке параклитку изъяснился нам, что весьма рад нашему приезду; расспрашивал нас о наших путешествиях и немало тому удивлялся. Оконча всю ту церемонию, пошел во внутренние свои покои и приказал угостить нас в своем дворце великолепно.

Едва только успели мы с ним распрощаться, как окружило нас великое множество пустозвонов, которые раскричали нам всю голову любопытными своими и пустыми вопросами. Мне и без того казалось там время чрезвычайно долго, потому что желал нетерпеливо как можно скорее возвратиться в Европу и рассказать приятелям своим случившиеся со мною приключения. Присланный за нами провожатый отвел нас в назначенные нам покои, которые были обиты самыми редкими обоями, вытканными шелковыми червями и пауками. Накрыли для нас там стол и употчевали прямо по-приятельски. В продолжение стола плясали перед нами обезьяны, одетые в Арлекинское платье, и ученые собаки, наряженные по-цыгански; а между тем, канарейки, чижи, щеглята, зяблицы, жаворонки и соловьи пели такой концерт, какого, думаю, нигде и никогда не бывало.

На другой день провожатый наш, пришедши за нами, повел нас в Фениксов дворец посмотреть годового тамошнего торжества. Мимоходом заметили мы, что там по окошкам сидели на часах гуси, а при дверях стояли собаки, на

крыше же дворца посажен был сокол, чтобы примечать, что делается вдали. Пришедши в Фениксовы покои, даны нам были места подле его. Попугай говорил при сем торжестве такую речь, которая привела всех в удивление. После того прилетели всякого рода птицы под предводительством Орла, который, сделавши в воздухе несколько реев, опустился к ногам Феникса в знак своего ему повиновения, и, поднявшись опять на воздух, пропал из виду. Прилетевшие с ним птицы расселись по сучьям около стоящих деревьев и запели общий концерт, при котором били такту лебедь и кукушка. Ястребы производили войну с куропатками; но, поймавши их, выпускали опять без всякого вреда на волю. Петухи, разделившись на две партии, произвели между собою столь жестокое сражение, что наконец Феникс принужден был приказать их разогнать. Павлины танцевали весьма важно заморские менуэты; хотели было подражать им в том и Индейские петухи, но остались со стыдом и насмешками и оказали явно собою истинное различие между хвастовства и настоящих достоинств. Феникс удивлялся тому, что не было тут ночных и водяных птиц; но попугай донес ему, что первые дожидались ночи, дабы собою не беспокоить прочих пернатых животных; а другие собрались около берегов вместе с рыбами, дабы показать гораздо больше пышности и великолепия. После того вошли четвероногие животные и, разделяясь на две партии, учинили между собою примерное и забавное сражение. Овцы и козы нападали на волков; мыши побеждали кошек; медведи прыгали разные контротанцы; обезьяны, кривляясь, играли на флейтах; лошади лягались, брыкались, скакали и производили великое множество разных карусельных оборотов, которые заведены сначала в Гишпании жившими там несколько времени Маврами; слоны плясали по натянутым веревкам. Одним словом, куда бы Феникс ни обратил свои взоры, везде находил для себя новые удовольствия и забавы.

Между тем, услышали вдали шипение змей. Ползли они медлительным шагом, поднявши головы вверх, дабы тем более показать свою важность и величие. Старую свою кожу с себя сбросили, а оделись в новую, чтобы показаться го-

раздо пышнее и богаче. Предводительствовал ими Василиск. Ядовитая сия гадина питала в себе смертельную ненависть к Фениксу и, проходя мимо, бросила на него ядовитый взор, при котором Феникс наклонил тотчас голову, распустил перья и начал почти кончаться. Блестящее на перьях его золото и лазурь потемнели; и он умер бы непременно, если бы на крик животных не прибежал туда Единорог и не коснулся до умирающего животворным своим рогом. А между тем, горностаи бросились на Василиска, впустил в его голову острые свои зубы и предал его смерти. В то самое время животные, остервенясь, пустились на пагубных сих гадин и, растерзавши их, очистили свет от смертоносного их яда.

После того Феникс, поправясь от приключившейся ему болезни, пошел на морской берег смотреть приуготовленного для него торжества от рыб и морских птиц. Дорогою встретили его пчелы, которые к прежнему торжеству не успели для того, что дожидались Муравьев. Поднесли ему в подарок несколько сотов меда, которые раскладены были на бабочкиных крыльях в узор наподобие павлиного хвоста. Рыбы собрались в одном заливе, составляющем вид амфитеатра. Птицы сели по деревьям, дабы тем более умножить великолепие зрелища. Киты сделали из себя полумесячный строй и пускали из ноздрей своих разные фонтаны, которые покрыли все море нежною и тонкою пеною.

Прежде, нежели Фениксе дошел до берега, послали рыбы к нему навстречу несколько крылатых и летающих рыб, дабы тем доказать ему, что власть его столько же распространяется и в воздухе, сколько на земле и воде. Вскоре за ними показались многие тысячи черепах, несущих на хребтах своих все редчайшие сокровища жидкой той стихии. Одни из них несли на своих черепокожных спинах целые горы амбры, другие большие куски кораллов, перемешанных с жемчужными раковинами, которые, открываясь сами собою, показывали в недрах своих бесценные перлы. Черные обезьяны, вынимая из раковин белый жемчуг, возвышали драгоценность его еще более.

В собранном кругу водяных животных были также морские и на водах обитающие птицы, из коих отличался особенно предводительствующий ими лебедь изогнутою и долгою своею шею, которую поднимал с великою гордостью и величественным видом. Как скоро увидел он Феникса, то полетел с прочими приморскими птицами на воздух и, сделавши в нем несколько разных оборотов, опустился на поверхность моря, где начали за ним гоняться тюлени и составили настоящее театральное сражение. Наконец, по произнесенному лебедем крику, все рыбы построились своим строем и производили свои рыбы эволюции. После всего весь берег наполнился различными чудовищами разных величин и видов. По воде же начали плавать Перломутры, у которых задняя часть раковины служит вместо судна, поднятая верху голова вместо паруса, передние перья отправляют за весла, а хвост исполняет должность руля.

В самое лучшее время сего торжества прилетела из отдаленных стран болтливая ласточка с таким нерадостным известием, что сделала весь наш праздник хуже сочельника. Она рассказывала, что Антиподские животные учинили противу диких возмущение и просят Феникса прислать к ним вспомогательное войско и предводителя, потому что из тех животных за разноголосицею никто начальствовать не в состоянии.

Немедленно собран был верховный совет из отыгающих жвачку животных, в котором определено послать туда министром искуснейшую в политических делах обезьяну. Мне захотелось поехать туда в той же свите, несмотря на то, что Феникс на оное никак не соглашался, но наконец по сильной моей просьбе позволил. Мне дали двух Дельфинов, из которых на одного сел я сам, а на другого поклат мои пожитки. Отправились мы в ту же самую ночь, потому что важность дела не терпела ни малейшего отлагательства, и варвары готовы уже были учинить на животных нападение. Китаю приказано было содержать на море нейтралитет и делать нам прикрытие, дабы мы не могли быть отрезаны, потому что некоторая часть диких убежали на море,

дабы избавиться от лютости зверских животных, которые, бега по полям, терзали все, что им ни попадалось.

Как только подъехали мы к ним близко, то напали они на нас на своих челноках, которые были сделаны из одного дупла. Но киты многих из них опрокинули. Теперь имею я весьма удобный случай описать храбрость и неустрашимость сих варварских народов, которые с удивительною и невероятною отважностью вспрыгивали на спины китов, затыкали им своими копьями ноздри и совершенно их тем одолевали. Между тем, наши Дельфины, улуча способное время, подвезли нас к берегу, где по принесенному ласточкою известию почти все животные нас уже ожидали. Не можно никак описать всей той радости и дружелюбия, с которым они нас принимали. На меня не имели они ни малейшего подозрения, потому что по данным мне от Феникса аттестатам видели ясно, что я им вредить нимало не намерен.

Причина возгоревшейся между ими войны была следующая: занесло как-то ветром к их земле из острова животных попугая, который рассказывал тамошним жителям, как у них на острове все живут мирно и дружелюбно. Самое сие подало им мысли учинить и у себя то же; а между тем, получено также известие, что дикие готовятся всею силою сделать на них нечаянное нападение.

Приехавшая со мною обезьяна была весьма искусна как в политических делах, так и в военных; хотя иногда храбрость ее с искусством и нимало не согласовалась. Построила однако ж всех зверей при входе в лес в боевой порядок. Сей лес окружен был с одной стороны большою лощиною, с другой непроходимым болотом, а сзади широкою и глубокою рекою. Всем тем, которые чувствовали себя не в состоянии сражаться, приказал наш предводитель спрятаться в густоту леса, дабы они прочим не мешали. Остальных разделил на три корпуса. На правом крыле поставил храбрых тигров, потом львов, а за ними медведей; на левом же крыле кабанов и рысей. За каждым корпусом поставлен был позади резерв, дабы в случае нужды иметь надежное подкрепление. Средину составляла легкая пехота, состоящая из небольших, но храбрых животных, которым особливо было приказано

во время сражения кусать неприятеля за ноги. Между ними более всех отличались ежи и крысы. Ордер баталии составляли олени и страусы. Воздушная же армия состояла из коршунов, ястребов, соколов, орлов и беркутов. В водяном войске распределены были моржи, тюлени, выдры и крокодилы. Проворнейшие и резвейшие обезьяны служили у предводителя вместо адъютантов, а прочие употреблялись в разных должностях при лагере, потому что в сражении недоставало у них мужества и отважности.

Армия диких народов расположена была следующим порядком: первые баталионы имели вместо оружия толстые дубины и большие деревянные палаши вострее наилучших Дамасских сабель; другие вооружены были луками и стрелами и отряжены вместо резерва; им особливо приказано было наблюдать то, чтобы во время сражения не вздумали птицы учинить с воздуха нечаянное нападение. Все они были нагие; кожа на них смуглая и расписана змеиными фигурами, дабы тем более навесить в неприятелях страха; для великолепия же и пышности носили на головах большие с перьями шапки и перьяные поясы. На проткнутых губах и щеках висели вместо украшения наподобие серег небольшие разноцветные каменья. Шли они весьма плотно, сомкнувшись и сохраняя глубокое молчание; но, подошедши близко, вступили в сражение с великим криком. Передняя стена их фронта прикрыта была тремя или четырьмя рядами стрелков, коим приказано было, пустя свои стрелы, построиться в интервалах между баталионами. Сначала разогнали они стрелами своими всех легких животных и больших птиц, которые летать были не в состоянии; но главный корпус шел как можно поспешнее, дабы не столь долго быть под стрелами, прежде нежели вступить в рукопашную схватку. Первые баталионы диких опрокинуты были стоявшими по крылам тиграми и рысями, и произошло между ними великое кровопролитие. Но подоспел туда резервный корпус и посредством натянутых своих луков храбрейших своих противников заставил целовать землю, потому что ни одной стрелы не пускали они по-пустому. Вооруженные дубинами ободрились и пришли в порядок; все отважнейшие и на-

зойливейшие звери побиваемы были без всякой пощады, а прочие обращены в бегство, преследуемы будучи дикими повсюду.

Птицы, хотя бесчисленным своим множеством и составляли на воздухе огромные тучи, но рассыпаемы были тотчас все врознь дикими стрелками, и гораздо больше причиняли людям вреда своим падением, нежели носом и когтями. Водоземные животные также очень мало имели успеха, потому что дикие, будучи храбры, проворны и расторопны, прогоняли их очень легко назад в воду. Бедные животные лишились бы всей надежды, если бы не подоспели туда змеи, которые за медлительною своею ходьбою от главной армии отстали. Дикие, услыша их шипение и страшася ядовитого их угрызения, обратились в бегство. Звери гнали их с ужасным остервенением и производили между ними неслыханное кровопролитие.

По одержании победы раздалися в воздухе многообразные вопли, крики и восклицания; спрятавшиеся в лесу животные выбежали с малыми своими детенками. Раздавався повсюду эхо птичьей музыки, которая бы была еще и того приятнее, если бы не присовокупили к ней своих криков и четвероногие животные, которые желали также оказать свою радость громогласно.

Между тем, услышали вдруг ужасный стук в барабаны и игранье на трубах, и увидели вдали многочисленное войско, идущее в наилучшем порядке. Наконец, когда новая та армия подошла поближе, то увидели, что то были обезьяны, которые для наведения за шутку нечаянного страха нарядились в завоеванные у диких вооружения; били в обтянутые кожами лукошки и дули в извитые морские раковины и бараньи рога. Страх обратился тотчас на радость. Одни воткнули себе к бокам вместо шпига стрелы, и для забавы фехтовали ими со своими товарищами. Дубины же были для них не под силу и владеть ими они не умели. Другие танцевали новомодный балет, подражая телодвижениям диких на их пиршествах, именинах, свадьбах и прочих веселых собраниях.

Наконец подняли ужасный крик ночные птицы, что при многих сопровождающих его признаках и приметах служили предвозвещанием великого несчастья. После того пришли бывшие в свите главного предводителя обезьяны и принесли печальное известие, что во время сражения лишился он жизни. Произошел повсюду страшный вой, шум и крик, по прошествии коего приступили животные к избранию нового себе начальника. Змеи присваивали ту честь себе, потому что были главнейшею причиною одержанной победы; четвероногие животные не уступали в том праве никому в рассуждении своей многочисленности; а птицы доказывали принадлежность себе владычества красотою своих перьев и способностью летать по воздуху. Но попутай, на которого все во всем полагались и который был первою причиною всего возмущения, уговорил всех, чтобы позвать меня и потребовать при том случае моего совета.

Для лучшего и безопаснейшего смотра на происходившее сражение взлез я на одно высокое дерево и сидел на нем спокойно, обращая повсюду любопытные мои взоры. Слезши с оногo, представил животным чрез посредство попутая, что надлежит необходимо с дикими заключить мир, потому что раздор их и несогласие не преминут они употребить в свою пользу и не замедлят улучшить случай отместить им за свое поражение. К заключению же союза и произведению договоров брал я на себя быть у них посредником.

Все звери согласились на сие беспрекословно. Я отправился в путь с попугаем и еще другим животным, которому все положение той земли было наизусть известно. Сыскавши диких, учинил им присланные со мною от сопротивников их мирные предложения, на которые они согласились без всякого прекословия, не опаматовавшись еще от последнего своего поражения. На возвратном своем пути нашел Европейских моих сотоварищей, которые, соскучившись о моем отсутствии и не могли снести щекотливых подстреканий нетерпеливого своего любопытства, пустились вслед за мною. Утвердя между воевавшими надежный мир, начали мы собираться в дальнейший путь, будучи весьма до-

вольны тем, что избежали столь великих опасностей и увидели такое множество редких и невероятных случаев. Простая со зверями и дикими народами, поехали к другим островам, о которых рассказывали нам чрезвычайные чудеса и несбытности.

Первый остров, на которой мы пристали, казался нам весь огненным, почему и приметили его еще в самом дальнем расстоянии. Но, приблизясь к берегу, увидели огненных людей с долгими и узкими лицами, у коих голова похожа была на аптекарскую колбу. Они переходили беспрестанно с одного места на другое и ежеминутно переменили свой образ и положение. Мы подарили им небольшое количество курительных порошков, что приняли они с великою учтивостью и благодарностью. Нам же подарено было от них по рубашке из несгораемого полотна или асбеста, дабы мы могли удобнее переносить жаркий их и горячий климат. Однако ж при всем нашем с ними дружеском обхождении не могли мы избежать некоторых неприятных случаев. Огненные те люди имели по природе непреодолимую склонность ко всяким сгораемым вещам; почему, с умысла или ненамерком потираясь около наших судов, некоторые из них зажгли. Люди наши, бросаясь в море, начали по несчастью прыскать на сих Периандров (так они назывались) водою, которая производила на них большие раны, так что в опрыскнутых местах лишались они всей своей блистательности и делались обгорелыми головнями. Для излечения их потребно было на больные места до тех пор дуть, покамест рана вся покроется огнем и сравняется с прочею огненною кожею.

Они нас приняли с чрезвычайною ласкою и учтивостью. Пищу принимают они снизу, подобно как деревья. Испражнения их состоят в некоторого рода испарениях, которые выпускают из себя головою. Когда захотят несколько подвеселиться, то заставляют брызгать на себя по несколько капель водою, дабы потом тем более разгорячиться. Для лучшей же красоты и пригожства натираются серою и канфарою, отчего кажутся голубыми и фиолетовыми. Все они стараются как можно достать двойной водки и спирта, который,

зажегши, глотают пламень одного с великою приятностью и удовольствием. В любви также не без горячности и чрезвычайно любят целоваться. Распложаются и размножаются почти невероятно, потому что от каждого поцелуя рождается младенец, который, едва только получит свое существование, как вдруг начинает расти и увеличиваться до тех пор, покамест, поблиставши довольно время, покрывается пеплом или золою. Болезни сей подвержены они все без исключения. Желающие от нее излечиться приказывают на себя дуть мехами или махать опахалами; однако ж от сего приметным образом они тончают, уменьшаются и исчезают. Мучительнейшею для них казнью почитается то, когда присудят кого окунуть в воду.

Из сего огненного острова поехали мы к ледяному, который с ним ни в чем не сходствовал нимало. Сначала попались нам прозрачные люди, подобные кристаллам и движущиеся с необычайною скоростью. Увидя нас, прикатились они к нам по льду, как будто на коньках. Ноги были у них в ступне чрезвычайно узки, тонки и остры, что и способствовало им немало к удобнейшему катанию. Имели долгую бороду, и из носа их висела сосулька наподобие слоновьего хобота. Вместо языка было у них две челюсти с довольном количеством зубов, коими колотили они друг о друга вместо разговора, подобно как в лихорадочной дрожи. Многие из них столь искусны и проворны в колочении зубами, что можно подумать, будто играют они на трещотках. В наряд носят большие жемчуга и алмазы, от которых происходит великий блеск и сияние. Всякий свет ненавидят смертельно, кроме звездного; на воздух выходят в одно только зимнее время. Опасаясь теплоты, живут в глубоких пещерах. Удивительнее всего то, что, несмотря на врожденную в них естественную стужу, потеют они иногда до смерти; но из пота их происходят другие подобные им творения. Для лучшего их увеличивания надобно поливать их водою при месячном сиянии. Гнуться и нагибаться они никак не могут, и при малейшем к тому понуждении ломаются. Впрочем, столь откровенны и чистосердечны, что вся их внутренность видна ясно снаружи.

Принявши нас весьма ласково, надарили нам великое множество обледенелых плодов и большие блюда мороженого. Сначала обращались с нами весьма холодно; но потом убеждали нас неотступно в их земле остаться, однако ж за несносною стужею не могли мы никак на то согласиться.

Оставя ту землю, приехали в умеренную страну, и, по счастию достигли до королевства Нумизмации. Удивлялися несказанно находящимся в природе переменам и произведению в свет двух столь друг другу во всем противных народов. В государство то прибыли мы благополучно. Земля сия расположена таким образом, что не всегда в нее прийти можно, когда кто хочет. Многие искали ее во всю свою жизнь, но никак не находили. Жители говорят всеми языками и очень хорошие переводчики; а особливо Хризандры и Аргирандры, которые разговорами своими могут приводить всякое сердце в чрезвычайную чувствительность. Прочие же находятся там почти без всякого уважения, потому что все вообще наклонны к обманам. Сии народы происходят от Меркурия и прекрасной Сулфурии; вид имеют весьма удивительный, потому что видны у них одни только головы и шеи. Гербы свои и родословные носят всегда с собою на своей спине; зависят непосредственно от Лидийской царицы; а прочие подвержены острову Стихотворцев. В какой величине рождаются, в такой и остаются до самой своей смерти, нимало не прирастая и не уменьшаясь, выключая только то, что черты их лица сглаживаются и получают другую фигуру. Причиною же тому то, что они по природе лживы и непостоянны. Часто сии обманщики надевают на себя другую кожу и являются Хризандрами и Аргирандрами, так что многие в них тогда обманываются. На сем острове потчевали нас весьма великолепно, несмотря на то, что он совсем бесплодный; однако ж привозят в него великое множество всякой всячины отовсюду.

Все почти народы имеют к жителям сего острова невероятную привязанность и стараются иметь их при себе во что бы то им ни стало. Залуча же к себе и зная непостоянный их и переменчивый нрав, запирают за многие замки, чтобы они от них не ускользнули. Впрочем, они на все спо-

собны и ко всему пригодны, мешаются во все и все на свете сделать в состоянии. Помощью их многие народы сравняли великие горы, засыпали глубокие пропасти, построили города, населили пространные пустыни, учинили плодоносными каменные утесы, осушили глубокие моря, наводнили сухие и печальные степи и непроходимые места сделали проезжими.

Я приметил, что из Нумизматов можно сделать все, что хочешь, одних обласкал учтивостью, а других убеждал почти насильно; и помощью их достал себе судно со всеми нужными для нас припасами. Отъехавши от острова несколько верст, настала в море ужасная буря, которой, бросавши нас несколько времени, прибило наконец к острову Стихотворцев, расстоянием от Нумизматского царства на изрядное отдаление.

Самая первая встреча для нас был украшенный сединою старец непротивного вида с почтенною бородою; но мозг свой носил завязанный в узелку под пазухою. Сей болезни подвержены в той земле почти все жители. На все чинимые нами ему вопросы отвечал он нам одними только кривляньями и коверканьями, между коими давал знак рукою, что хочет нам показывать дорогу. Следуя по стопам его, пошли мы на высокую гору с двумя холмами, на которой собрано было великое множество народа для взирания на восходящую Аврору, почитаемую там первою богинею по Солнце.

Едва только успела Богиня открыть свои глаза, как отдернули они все багряные завесы ее кровати, и, пожелавши ей, припевая на разные погудки, доброго утра, одели ее в пурпур, или багряницу, примешавши в одежду ее золото, лазурь и рубины без всякого вкуса и порядка; уверяя ее притом, что такое украшение издали весьма красиво. Потом нанизали на розовые ее пальчики жемчугу и алмазов, дабы она сыпала их по траве, мураве и цветочкам. Но едва только успела она одеться, как от топота Солнцевых коней восстала такая густая пыль, что скрыла ее от людского взора. Однако ж, несмотря на то, Стихотворцы старались всячески воспевать на лирах своих торжественно восхождение сей утренней

Звезды, или попросту сказать Денницы, которая в их земле рождалася и умирала.

Между тем, прилежные и неусыпные часы запрягали коней в Солнцеву колесницу и украшали храм рождающегося Феба светозарными цветами. Я, стараясь примечать удаление Авроры, увидел вдруг, что Солнце взошло уже нарочито высоко.

Провожавшие нас тамошние жители ответствовали на все наши вопросы, важным видом, отборными словами и великолепными выражениями подражая разговору богов Олимпийских, коим они стараются во всем уподобляться. Все они чрезвычайно бедны; живут в шалашах и лачугах, сплетенных из хвороста или камыша; на головах носят шляпы, украшенные разными цветами. Одежда их состоит из лавровых и плющевых листьев, которые зимою нимало не греют, а летом не делают прохлаждения. Волосы их возлюбленных хотя и златовидны, но на платье своем сего металла никогда они не употребляют. Питаются дикими плодами и медом, а пьют одно только молоко и воду. Честолюбие их столь велико, что рады они спорить о чести и блаженстве своего состояния и с самим Юпитером. Впрочем, земля их довольно изрядна и я не могу тому надивиться, что так они нуждаются и нищенствуют, имея в богатствах великое изобилие.

Рассказывая о своей земле, изображают они свои поля изумрудовыми, цветы свои багряницею и лазурью, древесный цвет серебром, а плоды на деревьях золотыми. С кристалловидною их водою ни самый Нектар сравняться не может. Голыши свои и речные камни почитают алмазами, жемчугом и перлами. Но при всем том, не имеют у себя ни куса хлеба и, подобно Мидасу, посреди всех своих сокровищ умирают с голоду. Все рассказываемое ими кажется им таковым в самом деле.

Сколько ни тарашил я глаза свои, но из всех проповедуемых мне сокровищ не видал ниже малейшего следа или тени. Народ сей весьма чуден, легкомыслен и своенравен, делает разного рода шутовства и дурачества, а особливо во время деторождения, которое происходит у них без малейшей боли, но напротив того, с превеликою забавою и удовольст-

вием. Удивительнее всего то, что рождают они детей своих, не имея нужды в женском поле. Случается часто, что производят они на свет чудовищ и уродов; но всякий отец почитает свое исчадие красавцем. Сие должно почитать отменнейшим для них от Юпитера благоволением; ибо, если бы могли они замечать свои пороки и недостатки, то сошли бы с ума от огорчения и досады. Детей своих любят до безумия, но прочие оказывают к ним великое презрение. От сего самого и рожденные ими живут недолго. Дети воспитываются у них самую нежную и деликатную пищу, которая называется у них Модою и Вкусом.

Они зачинают и рождают своих детей весьма чудесным образом. Дитя начинается в мозговом черепе, а рождается чрез пальцы правой руки. Беременны они бывают неравное время, соразмерно воспламеняющему их Пиитическому жару. Больших ребят родят они не вдруг, но по малым кусочкам; а потом соединяют уже их в одно тело, или кучу. Многие выходят на свет неполными или, лучше сказать, половинчатыми, потому что другая половина иногда не созревает. Однако ж и такие дети бывают приняты очень благосклонно, если рождены именитыми отцами, произведшими уже прежде их несколько подобных им творений.

Сей народ утопает в глубочайшем непросвещении, и не обожает ничего, кроме любовницыных глаз и прелестей. Поклонение их Аполлону и Музам происходит более от привычки, нежели от любви и усердия. Приехавши в их землю, не мог я довольно надивиться тому, что не говорили они ни о чем ином, как только о вещах пустых, бездельных и невозможных, как наприм.: о лесах с пригорками и берегами, о полях с тенистою прохладностию, о лугах, испещренных разноцветными деревьями, и о прочих тому подобных несбыточностях. Перед нашим оттуда отъездом умер у них самый тот герой, которой давал им пищу и пропитание, ибо столь они сами по себе ленивы, что умерли бы с голоду, если бы о прокормлении их кто-нибудь не старался. Для бессмертной памяти приказано было бальзамировать его солью остроумия, и, одевши в сделанное Риторикою платье, вышитое в узор сти-

хотворческими цветами, погребсти во храме гремющей Славы.

В назначенный для сего таинственного торжества день собрался весь народ на приуготовленное нарочно для того место в глубоком молчании. По пролитии многих слез, по испущении бесчисленных жалобных восклицаний и по изъявлении беспредельных отчаянных восхищений увенчали сохраняющую достохвальный прах его урну лаврами и кипарисом. В самое то время вооружены были все те, кои почитались во всем свете знаменитыми, достопамятными и непобедимыми, также и неустрашимыми героями. Тогда высили его над всем, что есть на земном шаре великого, пышного, громкого, высокого и величественного. Воздвигли ему Пиитические жертвенники, на которых воздавали жертву его великодушию, сострадательности, человеколюбию и честности. Окружили его блеском, светом, славою и сиянием. Другие в память его воздвигали живые истуканы, вечные трофеи и бессмертные памятники; воспевали громогласные концерты, на которых прославляли великие его дела и неподражаемые добродетели. Во время сего торжества прилетела вдруг с облаков гремющая Слава, подхватила драгоценное имя редкого сего человека, унесла его из виду и рассеяла по всему свету.

По окончании сей церемонии оставили мы ту землю и при благоприятном ветре приплыли к острову Пигмеев, которые были чрезвычайно малого роста; земля же их не более пяти верст в окружности. Напротив того, остров Исполнов имел в себе до нескольких сот тысяч Географических миль пространства. Оба сии острова лежат друг с другом в ближайшем соседстве; находятся под управлением Стихотворцев, которые предписывают им законы, какие заблагорассудят, и живут между собою в изрядном дружелюбии. Самые великаны из Пигмеев не более аршина вышиною. Сначала сочли мы их за кроликов, потому что, увидя нас, прятались они по кроликовым норам и заячьим логовищам; но, подошедши к ним поближе, узнали, что они были подобные нам люди.

В самое то время возвратились они с войны, которую имели с журавлями, над коими одержали славную и знаменитую победу. Каждый из воинов принес с собою по две или по три неприятельские головы, которые, поднявши кверху, держали за конец носа. В продолжение той войны повиытаскали они из журавлиных гнезд до нескольких сот тысяч яиц, которые принесли в подарок своим женам и любовницам.

Не можно было довольно надивиться, с какою неустрашимостью нападали они на своих неприятелей, которые были перед ними настоящие Исполины и продалбливали носами своими черепа их до самого мозга, если у кого не было на ту пору шлемов, кои делали они из ореховых скорлуп. Однако ж щедрая Природа, поправляя слабость их сложения, наградила их пылкостью разума. Во время сражения заметили они, что у неприятелей их ноги весьма тонки и ломки; и для того всегда с той стороны им вредить старались.

Увидя нас, пришли они в робость; но рассмотревши данные нам свидетельства и паспорта, по коим позволялося нам проехать все баснословные земли, приняли нас весьма благосклонно и прыгали на нас, подобно маленьким собачкам.

Знатнейшие между ними господа заставляли себя носить козлам и баранам. Мы провожали их до самого их жилища. Они ходили чрезвычайно тихо и медлительно, что наводило нам в дороге немалую скуку. На другой день стали делить добычу. Церемония та началась игранием на свирелях, которые служат в той земле вместо труб и литавров. Потом стреляли в цель по одной птице, которая была величиною с муху и поймана в паутину. Стреляют они духовыми ружьями, сделанными из яровой соломы.

Жители сей земли живут не более осьми лет; женщины их на пятом году начинают рождать детей, которых прячут в норы наподобие кроликов; в противном же случае журавли, нашедши, их поглощают. Малые сии творения весьма веселы, забавны и остроумны. По вечерам для препровождения времени занимаются кукольными комедиями. Впрочем, чрезвычайно бережливы и нимало не расточительны. За великое у них уже почитается мотовство и роскошь, когда кто поставит на стол целую воробынью ножку

или пару жареных на вертеле мух. Вертела их делаются из осей или усов от ячменных колосьев. Вместо стаканов служат у них половинки вишенных косточек. Питье их состоит из двух или трех капель утренней росы, которую собирают они весною и сохраняют в гусиных яйцах, служащих им вместо сороковых бочек. На место тарелок употребляют лещовую чешую, а вместо чашек и блюд дубовые желуди. Дремучие их леса состоят из самого мелкого кустарника, на который лазят, как будто на высочайшие кедровые деревья. Величине нашей удивляются чрезвычайно, и думают, что, имея такой огромный рост, упасть весьма опасно.

Выехавши из сего острова, хотелось нам проехать на остров Желаний; однако ж все наши старания были напрасны; ибо на тот остров не всегда удастся попасть, когда хочется, почему и принуждены мы были пристать к Колдовскому острову, не возмогши побывать и на острове Истюлинов, несмотря на то, что великую все имели к тому охоту, потому что рассказывали нам о нем чрезвычайно чудные и невероятные вещи. Жители того острова переходят самые большие реки одним шагом, удят канатами китов и катают в кегли большими горами.

Когда пристали мы к Колдовскому острову, то один из наших матросов, бывший уже несколько раз в том месте, говорил нам, что более всего надлежит остерегаться пить воду той земли, а употреблять свою собственную, потому что сие средство предохраняет от всякого колдовства и очарования. Между тем, вышли мы на Зороастрово поле, которое называется по имени стоящего на нем столичного их города. Вдруг наступила неожиданно темная ночь, так что не могли мы ничего видеть перед глазами. По земле сей путешествовать весьма опасно, почему принуждены мы были расположиться на траве там, где тогда стояли, и довольствоваться тем, что с корабля взяли с собою.

Товарищи мои заснули очень крепко; а я, не могши никак сомкнуть глаз от беспокоящего меня пронзительного кошачьего крика, принужден был встать со своего места, чтоб их прогнать; но вдруг очутился в пространной пещере, освещенной бесчисленным множеством фонарей и факелов.

Кошки, вошедши в ту пещеру, превратились в прекраснейших девушек. Все они, схватив друг друга за руки, начали плясать хороводом, посреди коего прыгал козел чудными скачками и коверкался удивительными и почти невозможными кривляниями. Девушки старались ему подражать во всех его телодвижениях. По окончании сей пляски козел тот сел в угол; девушки подходили к нему одна за другою, целовали его в бороду и увенчивали цветами. В продолжение сей церемонии прилетело по воздуху несколько человек на метлах и помелах, и по прибытии каждый из них старался приносить тому козлу свою жертву; но козел отвергал их всех с презрением. Прибылые те, гости думая, что в обряде своем в чем-нибудь проступились, начинали жертвоприношения свои сызнова; козел же продолжал оказывать свое неудовольствие, и наконец дал знать небольшим киванием головы, что стоит, прижавшись в уголку, некто из посторонних. Все, бросаясь на меня кучею, схватили кому где попало. Я иначе не мог избавиться от определяемой мне казни, как прокуса себе до крови руку и написавши на бумаге некоторые показанные мне знаки. По исполнении сего козел сказал, что я принадлежу к их собранию; и тогда начались опять пляски, скачки, крик, шум и рукоплескания с такими восхищениями, что никто не мог разуместь один другого. Прекраснейшим из сего собрания оказывал козел свои приветствия и ласки по обыкновенному своему обычаю и порядку.

Оконча все сие, накрыт был посреди пещеры великолепный стол, наполненный различными вкуснейшими естами. Все сели за стол в глубоком молчании, работая больше зубами, нежели языком и губами. Но как все их кушанья показались мне весьма невкусны, то сказал я стоявшему за мной прислужнику: *Подай соли!* В одно мгновение ока исчезло все, и я очутился один в потемках и принужден был пробыть в том положении до самого утра. На рассвете возвратился к моим товарищам, которым, однако ж, боялся рассказывать случившееся со мною приключение, опасаясь того, чтобы не стали они надо мною смеяться.

Но несмотря на все то, повел я их с собою в город Зо-роастрию, где все дома казались нам волшебными зданиями. Во всех дверях и окнах стояли и сидели прекраснейшие женщины, которые бросали на нас ласковые и приятные взоры, коими бы я непременно пленился, если бы не признал их за самых тех, которых видел в пещере. Когда вошли мы в другую улицу, то вскружили нам голову находящиеся там торгошши и бродящие по улицам разносчики, которые кричали беспрестанно: «Господа! не изволите ли хиромантических или физиогномических таблиц? Не хотите ли узнать, кто из вас счастлив или благополучен? Не угодно ли купить особенного таинственного спирта, посредством коего можно пройти более ста верст без отдышки? Вот редкий корень для отыскания потерянных вещей и укравшего их вора! Купите вот этот кошелек, из коего сколько ни будете вытрясать денег, но он всегда останется полон! Возьмите для себя сию травку, которую, положив под голову, увидите во сне возлюбленную свою или невесту!»

Наконец, избаваясь от сих безотвязных крикунов, пришли мы в дом к одной добренькой старушке, которая была знакома некоторым из наших матросов и приняла нас весьма благосклонно. В то самое время один из моих сотоварищей сделался вдруг опасно болен и находился почти при последнем издыхании. Вся настоящая причина его болезни состояла в воображении. Он возмнил о себе, будто бы был очарован. Мы по совету тамошних знающих людей делали над ним разные опыты; но все они были без всякого успеха. Между прочим, купили телячье сердце, которое, проколовши тупыми иглами, варили в медном нелуженом котле, и на каждый взвар нашептывали некоторые волшебные слова. Сие средство если больного и не избавляло, но по крайней мере служило ему некоторою отрадою хотя в том, что испортивший его колдун умрет непременно мучительной смертью. Когда в котле выкипела вся вода, то явилась в той горнице большая черная женщина с пламенными глазами и текущею изо рта пеною. При входе ее положили тотчас к порогу метлу, дабы она не могла от нас уйти вон. Но сия фурия подошла к постели больного, отдернула занавески и спроси-

ла грозным голосом: «Чего ты от меня хочешь?» В самое то время выскочили из угла четверо наших служителей, которые по нашему наущению должны были отпотчевать ее на обе корки; но едва только подняли руки, как ведьма та, дунувши на них, оборотила неподвижными статуями; а сама, севши на лежащую у порога метлу, вылетела в окно и пропала из виду, оставя по себе чрезвычайную вонь и нестерпимый запах.

Между тем, больной наш находился при самой последней крайности, и, почитая все подаваемое нами ему заколдованным, не хотел принимать из наших рук ничего, что мы ему ни подавали. Наконец хозяйка наша, сжалаясь над нами, повела нас к одной своей приятельнице, которая в том городе почиталась первейшею колдуньею и ворожеею. Она жила в скверной и гнусной лачуге, построенной из одних только плах и виселичных перекидок, но позади той лачуги возвышались великолепные чертоги, в которых играло великое множество малых детей, коих кормила она и воспитывала единственно для того, чтобы со временем из крови их составить особливой рода ванну для излечения от проказы одного из любимых ее услужников. Позади тех чертогов выкопан был пруд, равняющийся пространством своим обширнейшему морю; в водах оного плавало неисчетное множество всяких рыб; на одном же из его берегов сидела скaredного вида старуха, у коей нос касался подбородка и из каждой морщины произрастали густые волосяные рощи, колебающиеся при каждом ее наклонении головою. Увидя нас, подошла она к нам, опираясь на свой посох, обняла меня дружески и поцеловала. Я пришел от того в немалый страх и трепет; но вдруг очутился в самой середине великолепных чертогов, украшенных искуснейшими и редкими картинами, кои при рассматривании моем все вдруг оживотворились и начали плясать около меня хороводом. Одна из них давала мне мимоходом по носу щелчки, другая меня щеко-тала, иная кривлялася передо мною различными телодвижениями; одним словом, все они совокупно старались привести меня в робость. Но, не могши достигнуть до своего намерения, пропали из глаз моих, превратятся в разные роды

гнусных животных, угрожая бросить меня в огонь, который нарочно для того на одном очаге зажигали. Между тем вышла из угла одна прекраснейшая Нимфа, сопровождаемая душами всех славнейших в свете Стихотворцев. Я, не могши преодолеть обладавшего тогда мною искушения, вздумал ее обнять; но удержан был от того неизвестною мне невидимою рукою. В самое то время исчезли все чертоги, и я очутился на улице с моими товарищами. Опасаясь дальнейших с нами чудесных происшествий, купили мы себе несколько стихов новейшего покроя, при помощи коих возвратились восвояси столь скоро и неприметно, что на другой день каждый из нас увидел себя в своем доме и на своей постели, и все соделанное нами путешествие было как будто не в самом деле, а в сновидении.

ОБ АВТОРЕ

Николай Петрович Осипов родился в 1751 г. в семье приказного. Обучался дома, затем в пансионе (французский и немецкий языки, математика, архитектура). В 1769 г. поступил солдатом в Измайловский гренадерский полк, в 1771 г. был произведен в капиталы. В 1770-1771 гг. посещал кадетскую роту для солдат гвардейских полков при лейб-гвардии Измайловском полку, где преподавались иностранные языки, математика и т. д.; вместе с товарищами по учебе выпускал рукописный журнал. В 1773 г. перешел в армейский Владимирский пехотный полк в чине прапорщика, в 1779 г. получил звание подпоручика, в 1780 г. вышел в отставку с награждением чином поручика.

С тех пор Осипов существовал затем литературным трудом, переводил с французского и немецкого (в том числе для П. И. Богдановича), выпустил множество компилятивных книг по домоводству, ветеринарии, сельскому хозяйству и т. п. В 1790-1791 гг. перевел на русский язык произведения С. Ричардсона, Ж. Флориана, «Дон-Кихота» М. Сервантеса, переделанную Г.-А. Бюргером книги Р.-Э. Распе о Мюнхгаузене («Не любо не слушай, а лгать не мешай», 1791) и др. К числу самостоятельных произведений этих лет относится нравоучительное сочинение «Не прямо в глаз, а в самую бровь» (1790).

В 1790 г. во время следствия по делу А. Н. Радищева Осипов был допрошен относительно продаж «Путешествия из Петербурга в Москву» и слухов о возможной публикации немецкого перевода книги в Лейпциге. Считается, что Осипов произвел на допросе благоприятное впечатление и в декабре 1790 г. был принят на службу переводчиком в Главное почтовое управление. В 1791 г. вышли первые две части наиболее известного произведения Осипова, бурлескной поэмы «Вергилиева Энеида, вывороченная наизнанку» (1791-1796).

В 1793 г. Осипов был пожалован чином титулярного советника, в 1796 г. пожалован в коллежские асессоры и определен переводчиком в Секретную почтовую экспедицию и Тайную канцелярию. С 1798 г. издавал журнал «Что-нибудь от безделья», успев выпустить 7 номеров.

Н. П. Осипов скончался в Петербурге в 1799 г. — год выхода «Несбыточных путешествий в небывалые страны света». Эта книга, снабженная подзаголовком «Сочинение и перевод Николая Оси-

пова», чаще всего не только неправильно описывается («стороны» вместо «страны»), но и объявляется утопией, что никак не соответствует истине. Это и сатира, и пародия на всевозможные «фантастические путешествия» как авторов древности, так и европейских современников Осипова, сама оборачивающаяся безудержной фантазией, в целом же — одно из заметных сочинений, находящихся у самых истоков русской литературной фантастики.

Повесть публикуется по первому изданию (СПб.: Изданием Ф. Свешникова, 1799). В тексте исправлены очевидные опечатки; орфография и пунктуация приближены к современным нормам.

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

Настоящая публикация преследует исключительно культурно-образовательные цели и не предназначена для какого-либо коммерческого воспроизведения и распространения, извлечения прибыли и т.п.

SALAMANDRA P.V.V.